

УДК 82.09

**СОКРЫТИЕ И ПОИСК КНИГИ КАК ОДИН ИЗ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ МОТИВОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

(На материале произведений У. Эко, О. Памука, Т. Толстой и С. Афлатуни)

М.Б. Каменева

Анализируются произведения с точки зрения интертекстуального мотива сокрытия и поиска книги (знания в целом). Для анализа выбраны произведения: У. Эко роман "Имя розы", О. Памука роман "Меня зовут Красный", Т. Толстой роман "Кысь", С. Афлатуни повесть-притча "Глиняные буквы, плывущие яблоки". Отмечается круг интертекстуальных мотивов, которые объединяют данные произведения.

Ключевые слова: интертекстуальный мотив; книга; источник знания; страх; Умберто Эко "Имя розы"; Орхан Памук "Мое имя Красный"; Татьяна Толстая "Кысь"; Сухбат Афлатуни "Глиняные буквы; плывущие яблоки".

**АДАБИЙ ТЕКСТТЕГИИНТЕРТЕКСТУАЛДЫК МОТИВДЕРДИН БИРИ
КАТАРЫКИТЕПЖАШЫРУУ ЖАНА ИЗДӨӨ**

(У. Эко, О. Памук, Т. Толстая жана С. Афлатуниин чыгармаларынын материалында)

М.Б. Каменева

Бул макалада интертекстуалдык мотивдердин бири катары китепти жашыруу жана издөө боюнча чыгармалар талдоого (жалпы билим) алынат. Талдоо үчүн У. Эконун "Розанын аты" романы, О. Памуктун "Менин атым Кызыл" романы, Т. Толстаянын "Кысь" романы, С. Афлатуниин "Чопо тамгалар, калкыган алмалар" романы тандалган. Бул чыгармаларды бириктирген интертекстуалдык мотивдердин алкагы белгиленет.

Түйүндүү сөздөр: интертекстуалдык мотив; китеп; билим булагы; Умберто Эко "Розанын аты"; Орхан Памук; "Менин атым Кызыл"; Татьяна Толстая "Кысь"; Сухбат Афлатуни "Чопо тамгалар; калкыган алмалар".

**HIDDEN AND SEARCHING A BOOK AS ONE OF INTERTEXTUAL MOTIVES
IN LITERARY TEXT**

(On the material of works by U. Eco, O. Pamuka, T. Tolstoy and S. Aflatuni)

M.B. Kameneva

The article gives an analysis of the works of fiction by intertextuality motif as concealment and search for a book (knowledge on the whole). The analysis includes The Name of the Rose by Umberto Eco; My Name is Red by Orhan Pamuk; The Slynx by Tatyana Tolstaya; and Clay Letters, Floating Apples parable by Sukhbat Aflatuni. The article reviews a range of intertextual motifs uniting these works of fiction.

Keywords: intertextuality motif; the book; source of knowledge; fear; Umberto Eco "The Name of the Rose"; Orhan Pamuk "My Name is Red"; Tatyana Tolstaya "The Slynx"; Sukhbat Aflatuni "Clay Letters; Floating Apples".

Чтение книг всегда ассоциировалось с получаемым знанием, с поиском истины, которая открывается в книгах. Текст, содержащийся в книге, становится объектом изучения. Может ли сама книга как культурный феномен, стать героем/персонажем произведения. С этой точки зрения

будут рассмотрены произведения Умберто Эко "Имя розы" (1980, русский перевод 1988 г.), Орхана Памука "Меня зовут Красный" (1998, русский перевод 2001 г.), Татьяны Толстой "Кысь" (2000), Сухбата Афлатуни (псевдоним Евгения Абдуллаева) "Глиняные буквы, плывущие

яблоки” (2006). Книга-персонаж исследуется нами как интертекстуальный мотив, присутствующий в выбранных произведениях. Согласимся с мнением И.В. Силантьева, который считает, что “категория мотива, наряду с категорией текста, становится особенно значимой для интертекстуального анализа – ведь именно на это понятие опираются представления о смысловых связях внутри текста и между текстами. *Мотивы репрезентируют смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство...*” [1, с. 61–62]. Единое смысловое пространство, на наш взгляд, и объединяет данные тексты.

Достаточно ли просто прочитать книгу? Скорее всего, нет. Над ней нужно подумать, чтобы добыть знания, заложенные в ней, проанализировать и сделать их своими.

В каждом из предложенных для рассмотрения произведений эта мысль присутствует. В центре роман итальянского писателя Умберто Эко средневековый монастырь, в стенах которого удивительная библиотека хранит старинные манускрипты и, казалось бы, давно потерянные книги. Главный герой, известный прежде инквизитор, Вильгельм Баскервильский со своим учеником Адсоном, от имени которого и ведется повествование, появляется в монастыре, чтобы разгадать загадочные смерти, происходящие в нем и связанные с поиском одной книги, а именно второй части “Поэтики” Аристотеля, посвященной комедии. В споре между Хорхе, организатором всех убийств, считающим смех злом, поэтому человек не должен смеяться над смешными вещами, и Вильгельмом Баскервильским, защитником смеха, проявляется одна из причин гибели библиотеки. Желая не допустить смех в христианскую жизнь в целом, Хорхе готов сжечь ценнейшую библиотеку. Возможно, поэтому автор делает своего героя слепым [2, с. 93]. В романе У. Эко кризис средневековья показан через попытки запретить чтение еретических книг, таких как “Поэтика” Аристотеля, сожжение библиотеки, уничтожение монастыря. Знание, заключенное в античных/еретических книгах, скрывааемых в библиотеке, так и остается переданным, оно погибает в огне. Попытки главных героев спасти хотя бы часть библиотеки остаются безуспешными: “Вся библиотека, по-видимому, уже превратилась в большую огнедышащую жаровню, и пламя быстро шло

из комнаты в комнату, набрасываясь на новые и новые тысячи пересохших листов” [3]. Через много лет, вернувшись на развалины монастыря, Адсон пытался собрать оставшиеся клочки книг, но знание, скрытое в них, было потеряно навсегда: “Разрывая обломки, я то и дело наткнулся на мелкие пергаменты, слетевшие с этажа скриптории, выпавшие из библиотеки и пережившие все эти годы, как переживают время сожжения, зарытые в земле; и я стал подбирать их, как будто намереваясь сложить разлетевшуюся по листам книгу. <...> Бедная жатва была уготована мне, но я провел целый день за ее сбором, как будто от <...> библиотеки я ожидал получить какое-то послание. Одни куски пергамента непоправимо выцвели, другие позволяли разобрать тени каких-то линий, иногда – призрак одного, двух слов. Очень редко, но попадались и куски, на которых можно было прочесть целые фразы <...> Привидения книг, наружной видимостью еще напоминавшие книги, но выеденные, пустые изнутри” [3]. Поиск книги привел к ее безвозвратной утере, вместе с ней пропало и знание, которое должно было обогатить последующие поколения, но этого не произошло.

Омара Памука называют “турецким Умберто Эко” [4]. В его романе “Меня зовут Красный”, тоже своеобразной детективной истории, основанной на столкновении двух культур – восточной и западной, действие разворачивается вокруг поиска убийцы художников, приглашенных для иллюстрирования новой книги. Почему эта книга создавалась тайно? Она должна была стать доказательством того, что восточные художники владеют европейской манерой изображения ничуть не хуже самих европейцев. Один из героев книги, Эниште – старый художник, побывав в Венеции, осознал, что если в турецкой миниатюре “иллюстрация делается к самой интересной сцене рассказа: первая встреча влюбленных, или горе Рустема, понявшего, что он убил собственного сына, или влюбленный Меджнун на фоне дикой природы среди львов, тигров, газелей и шакалов... и считается, что рисунок не может существовать отдельно от рассказа”, то в европейских иллюстрациях и картинах “рисунок и есть сам рассказ. Он – не приложение к рассказу, он – сам по себе...” [5]. И вот среди художников, собранных Эниште для создания тайной книги,

возникает страх греховности отступления от традиции [6].

Страх перед чтением еретических книг преследует монахов монастыря в “Имени розы”, страх сеет панику среди художников в Стамбуле. В двух произведениях действие разворачивается в Средние века, происходит разлом между традицией и новаторством, обращение к гуманистическим идеалам приводит к возрождению интереса к античным авторам, это и выводит на сцену “Поэтику” Аристотеля. Но если в романе У. Эко книга уже написана, то у Памука она в процессе создания, и с самого начала запятнанна кровью своих создателей.

В главе “Я – Сатана” сам Сатана говорит о том, что был изгнан из рая, потому что хотел выделиться из сонма других ангелов, поклонявшихся повелению Аллаха человеку. Выделяться не должны были и художники, создавая свои миниатюры, они подражали старым мастерам, скрывая свои индивидуальные черты. Мастер Эниште, объясняя свое стремление к европейскому искусству, говорил: “Если твое лицо нарисуют хоть раз таким образом, тебя уже никогда не забудут. Даже если ты будешь далеко, человек посмотрит на портрет и почувствует, что ты рядом. И те, кто никогда не видел тебя при жизни, через много лет после твоей смерти могут встретиться с тобой взглядом, будто ты стоишь, напротив” [5]. Однако среди художников возникает смятение: богоугодное ли дело совершают они, таков ли замысел Аллаха: “Аллах создавал мир так, чтобы сначала его можно было видеть. А потом дал нам слова, чтобы мы могли поделиться увиденным, но мы из этих слов сделали истории и считали, что рисунок существует как дополнение к этим историям. Хотя на самом деле рисовать – это значит искать Аллаха и видеть вселенную такой, как видел он” [5]. Страх потери традиционности, страх влияния европейской манеры изображения и утраты своего особенного стиля, который все равно был у каждого мастера, толкнули одного из героев на преступление.

Книга осталась незавершенной. Уже созданные иллюстрации вклеили в другие книги, а позже искусные миниатюристы были вынуждены заниматься росписью ковров и шатров.

Если в романе “Имя розы” слепота Хорхе рассматривается как наказание, то слепота

художников в романе О. Памука – это награда, поэтому художники даже готовы ослепить себя. “Самое достойное для художника – это видеть в темноте, ниспосланной Аллахом”, так считает великий мастер Главный художник Осман, поэтому и ослепляет себя, следуя древней традиции.

Поиском особой книги, книги, в которой “всё сказано”, “где сказано, как жить”, занят и герой романа Т. Толстой “Кысь” Бенедикт Карпов. Превратившись из переписчика книг в санитаря, Бенедикт готов убить ради обретения еще не прочитанной книги. Интересно, что в романе Т. Толстой мы встречаем тот же огороженный от мира город, как и монастырь У. Эко. Старинные, старопечатные книги, оставшиеся после Взрыва, становятся государственным достоянием, но хранятся они под замком, их насильственно изымают, хранение их – преступление. Только Прежние, чудом выжившие после катастрофы, хотят передать оставшиеся знания, воскресить потерянное, но это никому не нужно.

Бенедикт хотя и занят чтением, но оно бессистемно, достаточно взглянуть на его библиотеку, чтобы это понять. Неудивительно, что Главный Истопник Никита Иванович постоянно говорит главному герою: “Азбуку учи! Азбуку! Сто раз повторял! Без азбуки не прочтешь!”. Основа жизни, человеческих отношений, любви – все, что так хотелось познать Бенедикту, но так и не удалось, осталось скрыто, сгорело в пожаре. Даже на предательство друга, Никиты Ивановича, Бенедикта толкает вид выбрасываемых его семьей из окон книг, что вновь напоминает роман У. Эко: “Высоко вверху Оленька растворила окно, выкрикнула матерное, вышвырнула вразлет дюжину книг – на, почитай! – и захлопнула створки. Бенедикт грудью кинулся, спасая, подбирая, обтирая, – убить гадину, – но раскрылось другое окно, и Терентий Петрович <...> в свой черед сбросил белоснежные, с картинками и папиросной на них бумагою, редчайшие... не успел подхватить, сокровища чвакнулись в мусороворот, хлюпнули и поплыли, вертяться... а там уж и Кудеяр Кудеярыч сильными бросками с верхнего яруса один за другим посылал несравненные экземпляры на смерть... Он понял. Понял. Это выбор.” [7, с. 403]. Этот выбор Бенедикт, возможно, сделал ранее, когда с тестем, Кудеяр Кудеярычем, совершил переворот

в Федор-Кузьмичске, убив Набольшего Мурзу. Создавая указ о “свободе печати”, Бенедикт первоначально написал, что “старопечатные книги читать дозволяется”, но потом подумал: “Нет, все-таки как же получается: это каждый бери да читай? Свободно доставай из загатника, раскладывай на столе, а там, может, пролито чего али напачкано? Когда книгу читать запрещено, так каждый свою бережет, чистой тряпицей оборачивает, дыхнуть боится. А когда дозволено читать, так небось и корешок перегибать будут, а то листы вырывать! Кидаться книгами вздумают. Нет! Нельзя людям доверять. Да чего там: отобрать их, и все дела. Прочесать городок, слобода за слободой, дом за домом, перетряхнуть все, книжки изъять, на семь засовов запереть. Неча!” [7, с. 389]. Результатом данного размышления стало аккуратненько перед “дозволяется” приписанное “не”. Опять страх потери еще не найденной книги, но поиску которой отдано так много сил, заставляет Бенедикта забыть о дружбе. В городке Федор-Кузьмичске все основано на страхе: страх перед санитарями, перед старопечатными книгами, страх перед неизведанным за стенами города, страх перед очередным високосным годом. Бенедикт забывал обо всем этом, когда читал, однако чтение не дало ему требуемого знания, оно служило для возможности забыться, уйти от действительности в мир грез, в тот мир, который был разрушен Взрывом. Невозможность приобретения тех знаний, что сокрыты в книгах, приводит Бенедикта к одиночеству.

Интертекстуальный мотив потери и обретения мы вновь встречаем в повести-притче С. Афлатуни. Азбука, лежащая в основе содержания романа Т. Толстой, слово, которое нужно сохранить для следующих поколений, становится и основным мотивом этого произведения. Новый учитель, Ариф, приходит в селение, где все подчинено страху. Старый учитель, давая ему наставления, говорит: “Воды нет, света почти нет, газа тоже... Одна радость у них осталась – страх. Страх заставляет забыть беды. Страх примирят их с этим акулкой, с нашим Председателем. Сейчас они влюблены в тебя, надеясь, что ты откроешь им какие-то особые способы страха... И отдадут тебе своих детей, чтобы ты обучил их страху...” [8]. Что же заставило молодого учителя прийти в это Богом забытое место,

он был послан избавить этот народ от страха. Но как? Найдя то, что было потеряно. Алфавит.

Связь с романом “Кысь” Т. Толстой прослеживается и в небольшом эпизоде, рассказывающем о том, как предыдущий учитель был затравлен сельчанами, которые решили, что у него есть хвостик. Учитель в итоге совершил самоубийство. Поэтому новый учитель изучался людьми листопада, как они себя называли, практически под микроскопом. “Чужое слово”, ставшее значимой составляющей в романе Т. Толстой, цитирование русской литературы, аллюзии на литературные произведения, – все это характерно и для С. Афлатуни [9]. Но знания, получаемые из рук Старого Учителя, так переиначиваются, литературные персонажи и сами авторы становятся чуть ли не современниками сельчан: “Все помнили, что это был русский космонавт, которого уважал и читил Старый Учитель. Кто-то мог вспомнить такие подробности, что Учитель встречался с Михаилом Юрьевичем во время своей командировки в Ташкент... Хотя – что делал в Ташкенте Михаил Юрьевич, если он все время пропадал у себя в космосе, – никто толком не знал. Главное, что, гуляя по площадям Ташкента, Михаил Юрьевич Лермонтов диктовал Учителю приходившие ему в голову стихи, а сам потом разбился где-то над Кавказом – с тех пор там идет война” [8].

Рассказ об истории села, ведущего свое начало от Александра Македонского, вновь воскрешает огороженное пространство У. Эко и Т. Толстой: сельчане просили у новой советской власти стену вокруг села, “с двумя воротами, на въезде и выезде <...> чтобы мы, батраки, на тех воротах стояли и с буржуазии для Владимира Ильича Ленина дань собирали” [8]. Однако советская власть вместо крепостной стены построила “библиотеку с библиотекарем; думали – он будет дань собирать, а он наоборот, всем книги раздавал, еще на коленях упрашивал: читайте книги – источник знания” [8]. Но эти знания вновь оказались ненужными.

Имя нового Учителя, Ариф, в суфизме обозначает обладателя мистического знания, мистика, владельца вразумительных познаний, не случайно оно дано герою, на которого возложена удивительная миссия – вернуть в село воду. То, чему учил детей Ариф, беспокоило жителей села. “...из школы поползли загадочные

известия. В селе стали поговаривать, что Учитель не только не бьет детей, но даже ленится кричать на них.<...> Вообще Учитель часто водил детей куда-то во время уроков. “Это он вместе с детьми уроки прогуливает, бездельник”, – говорили в селе. Куда он их водил, тоже было под покрывалом загадочности. Школьники возвращались после таких походов сытыми и не просили пить. Объяснить, куда они ходили, дети не могли. “Там красиво было”. “Птицу слушали”. “Дерево нашли. Смотрели, как на нем яблоко растет”. Куда же вы ходили? “Учитель знает” [8]. Через детское восприятие, детские чистые сердца хочет учитель вернуть утраченное, забытое, чтобы это удалось, нужно преодолеть недоверие народа. Сравнение Арифа с миссией мы можем наблюдать и в момент, когда его связанного приводят на открытие бани: “Он был посажен задом наперед на паршивого ишака; рот Учителя был завязан, на груди болталась фанерка с буквами проклятого алфавита. Руки его тоже были связаны за спиной, на лице были ушибы” [8]. Его задача выполнена, найдя последнюю букву на изувеченном лице бывшей красавицы Ойнис, учитель вернул потерянный алфавит, дети запели его, и пошел дождь. Так по древнему поверью и должно было произойти. Дождь обновления, освобождения от страха, возвращения утраченного.

Поиск сокрытого в тексте, в книгах объединяет поколения людей. Передача знаний от старого поколения новому, усвоение этого знания, дополнение его новым лежит в основе миропорядка. Для того и существуют книги, чтобы мы их не просто читали, а воспринимали прочитанное как необходимый строительный элемент для будущего.

Литература

1. *Силантьев И.В.* Поэтика мотива / И.В. Силантьев. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. *Суини М.* Лекции по средневековой литературе: Средневековая христианская литература Запада / пер. А.К. Лявданского. Вып. 1. / М. Суини. URL.: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1023634> (дата обращения: 12.05.2019).
3. *Эко У.* Имя розы. / У. Эко. URL.: <http://www.library.fa.ru/files/Eco-rose.pdf> (дата обращения: 12.05.2019).
4. Как Орхан Памук пришёл к всемирной славе // Новые известия. 2006. 12 окт. URL: <http://www.newizv.ru/lenta/2006-10-12/55964-kak-orhan-pamuk-prishel-k-vsemirnoj-slave.html> (дата обращения: 22.04.2019)
5. *Памук О.* Меня зовут Красный / О. Памук. URL.: http://loveread.ec/read_book.php?id=17192&p=1 (дата обращения: 17.04.2019).
6. *Шевченко Е.Н.* Интермедальность литературного и театрального текста (на примере романа Орхана Памука “Меня зовут Красный” и одноимённого спектакля Татарского государственного академического театра им. Г. Камала) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки Т. 158. Кн. 1, 2016, С. 271–282. / Е.Н. Шевченко. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/v/intermedialnost-literaturnogo-i-teatralnogo-teksta-na-primere-romana-orhana-pamuka-menya-zovut-krasnyy-i-odnoimyonnogosppektaklya> (дата обращения: 20.04.2019).
7. *Толстая Т.* Кысь / Т. Толстая. М.: ЭКСМО, 2008.
8. *Афлатуни С.* Глиняные буквы, плывущие яблоки // Октябрь. 2006. № 9 / С. Афлатуни. URL.: <http://magazines.russ.ru/october/2006/9/a1.html> (дата обращения: 12.05.2019).
9. *Юхнова И.С.* Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни “Глиняные буквы, плывущие яблоки” / И.С. Юхнова // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. №2 (10), 2015. С. 81–89. URL.: <https://docplayer.ru/57238517-Russkiy-kulturnyy-kod-v-povesti-suhbata-aflatuni-glinyanye-bukvy-plyvushchie-yabloki.html> (дата обращения: 25.04.2019).